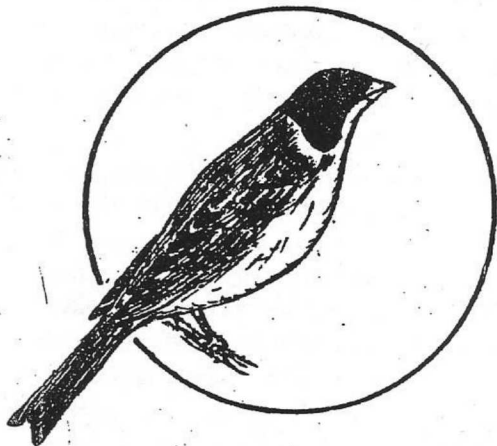

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ ПТИЦЫ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

23-28 апреля 1990 г.

Ставрополь, 1990

ЛЕТНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ХИЩНЫХ ПТИЦ НИЗОВИЙ РЕКИ САМУР (ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ)

В.М.Галушин, А.Б. Костин

МГПИ им. В.И.Ленина

Самурский лесной массив на крайнем юго-востоке Дагестана уникален для западного побережья Каспия. Здесь еще сохранились неповторимые растительные ассоциации, населенные разнообразной авифауной. В пределах этого массива целевой поиск гнездовых территорий пернатых хищников вели на стационаре площадью, примерно, 40 кв. км, в начале (март - май) и по окончании (август - сентябрь) гнездовых сезонов 1988 и 1989 гг. в рамках комплекса многолетних орнитологических исследований, возглавляемых В.Т.Бутьевым и А.В.Михеевым. В работе принимала участие студентка И.Н.Шушкевич.

К известным описаниям Самурского леса (Дроздов, 1965; Михеев, 1982, 1985; Бутьев и др., 1989) добавим, что в пределах изученного массива сохранились удобные для гнездования хищных птиц участки старолесья (преимущественно, тополевики и дубняки), а также группы высокоствольных деревьев (главным образом, тополей), перемежающиеся небольшими полянами и обширными зарастающими вырубками разного возраста. Привлекательна для охоты пернатых хищников безлесная береговая полоса шириной около 1 км со старицами и озерами, открытыми пус-

тошами и бурьянами, с редким кустарником на приморских песках и низкорослыми разреженными посадками сосны, гледичии, акации, грецкого ореха. Общая лесопокрытая площадь в пределах обследованного стационара (исключая непригодный для гнездования хищных птиц подрост на вырубках) составила около 25 кв. км.

В раннегнездовое время и сразу по окончании гнездового сезона в дельте Самура отмечено 9 местных видов хищных птиц. Из них 5 видов определенно гнездятся: тетеревиный, канюк, орлан-белохвост, чеглок и обыкновенная пустельга. Для остальных размножение здесь возможно, но находками гнезд не подтверждено (перепелятник, орел-карлик), либо маловероятно (черный коршун, болотный лунь). Судя по литературным сведениям, 5 из отмеченных видов достаточно обычны для равнинных лесов Восточного Предкавказья (чеглок, пустельга, канюк, болотный лунь и черный коршун), 4 вида встречаются в этих краях нечасто (оба ястреба, орел-карлик и белохвост). Возможности обнаружения летом на Самуре еще 5 видов неопределенного статуса (осоed, луговой лунь, европейский тувик, змеяд и кобчик) кратко обсуждаются после видовых очерков.

Черный коршун. Птиц, поведение которых позволило заподозрить их гнездование, почти не встречено. Только 3.5.1988г. коршуны держались парой у опушки сырого ольшатника вблизи искусственного озера - нерестилища на ю.-в. окраине Самурского стационара. В компании с 5 пролетными чеглоками (позднее удалились к с.-з.) и примерно дюжиной сизоворонок оба коршуна около полудня успешно охотились в воздухе на стрекоз, схватывая их лапами и налету поедая. Биотоп был типичным для коршуна, но тщательные поиски жилого гнезда остались безрезультатными (позднее поблизости обнаружилось обитаемое гнездовье канюка). Примерно в том же районе коршуна несколько раз отмечали 12 и 13 мая 1989 г., но явного беспокойства или иных форм территориального поведения они также не проявляли. По всей вероятности, оба года отмечали летущих или задержавшихся на пролете птиц. Отсутствие гнездящихся коршунов при столь благоприятном для них сочетании богатых кормовых и

удобных гнездовых местообитаний не поддается убедительному объяснению. Заметим, к тому же, что единственный орнитолог, работавший ранее в Самурском лесу, — Н.Н. Дроздов (1965) отметил здесь несколько раз в конце мая 1961 г. именно коршунов.

Болотный лунь. Характерен на пролете, но многократные наблюдения в конце мая и середине августа позволяют отнести его также к летующим на стационаре видам. Держатся болотные луни преимущественно у полосы тростниковых зарослей в устьях рек. Гнездование в пределах собственно стационара маловероятно ввиду дефицита подходящих биотопов; брачное и территориальное поведение здесь не отмечали. Но регулярные встречи колющего молодняка болотных луней в августе-сентябре позволяют допустить возможность их размножения в окрестностях Самурского леса.

Тетеревятник. Гнездится регулярно, что отмечалось и ранее (Бутьев, Михеев, Шубин, 1983). В пределах стационара постоянно обитают, скорее всего, 2 пары тетеревятников на расстоянии 5-7 км друг от друга (плотность их населения составляет порядка 8 пар на 100 кв. км лесопокрытой площади). Впрочем, частые встречи ястребов по всему Самурскому лесу не исключают возможности гнездования здесь еще 1-2 пар.

На выходящей к морю с.-в. опушке леса весной 1988 г. было обнаружено жилое гнездо тетеревятника. Оно располагалось примерно в 50 м от края дубово-тополевого леса и всего в 30 м от лесной дороги, по которой ежедневно ходили люди (главным образом, участники экспедиции), проезжали автомобили и мотоциклы. Гнездо было устроено на высоком (23 м) тонком тополе в предвершинной развилке из 4-х ветвей в 17 м от земли. Укрытость гнезда по трехбалльной системе (Галушин, 1978) была слабой (хорошо видно с 40-50 м, рядом проезжая дорога), но его доступность по такой же схеме была практически нулевой (ствол без ветвей почти до гнезда, подняться к которому без специальных приспособлений невозможно). Размножение ранее: 22.4.88г. самка уже насиживала. Дневные наблюдения у этого гнезда 4 мая убедили в полном безразличии насиживающей птицы к движущимся по дороге, всего в 30 м, машинам и людям (если, правда, никто не

останавливался и не начинал смотреть на гнездо, - в таких случаях самка вжималась в лоток). Насиживание плотное: за почти 16 часов непрерывных наблюдений самка только 7 раз ненадолго (на 2-11 мин) покидала гнездо. Всего она отсутствовала 34 мин., т.е. менее 4% общего дневного времени пребывания на гнезде (или 2,5% суточного цикла). Четырежды слету самки предшествовал призывный крик самца в 20-30 м, вероятно, приносившего пищу (собственно, на гнездо он ни разу не присаживался). Изредка самка привставала, разминалась и занималась благоустройством: копалась в лотке, укладывала зеленые веточки, пыталась обломить нависающий над гнездом сухой пруттик.

На следующий год участок несколько переместился к югу, где регулярно встречали тетереvyтников, но гнезда не нашли. Обитаемое в 1988 г. гнездо оставалось пустым, а соседняя постройка примерно в 200 м от него была занята парой канюков.

Судя по встречам в пределах гнездового участка в конце февраля - начале марта, местные тетереvyтники на Самуре ведут оседлый образ жизни.

Перепелятник. Гнездование предполагается (по крайней мере, в 1989 году), но жилых гнезд не найдено. Весной 1988 г. перепелятников часто отмечали, но в период их массового пролета выделить и локализовать местных птиц представлялось затруднительным (а после 7 мая специальные поиски гнездовых хищных птиц в тот год не проводили). На следующий сезон этих ястребов практически ежедневно встречали во 2-й половине мая на вполне определенной территории - вблизи сильно заросшей молодняком, ежевикой и колючими лианами обширной вырубki между рр. Кара-Су и Подсамурок. Например, 20 мая он активно изгонял тетереvyтника (надо полагать - из своего гнездового участка), а на следующий день здесь же был замечен с добычей.

По всей вероятности, в пределах исследованной части Самурского леса летом живет (быть может, не ежегодно) одна пара перепелятников.

Канюк. Явный доминант среди пернатых хищников Самурского леса. Находки жилых гнезд (3 в 1988 г., 4 в 1989 г.) и регулярные встречи птиц, демонстрирующих территориальное по-

ведение на одних и тех же участках, позволяют оценить летнее население канюков стационара в 7-8 гнездящихся пар. Плотность населения высокая (порядка 30 пар на 100 кв. км лесопокрытой площади), отдельные участки соприкасаются или частично перекрываются, расстояния между соседними жилыми гнездами составляют 1 - 1,5 км. В южной, наименее полно обследованной части Самурского леса возможно гнездование еще 2-3 пар (здесь неподалеку от стационара у ж.д. в конце мая 1989 г. найдено 5-е обитаемое в том году гнездо); общая численность канюков на стационаре может достигать 10 ежегодно гнездящихся пар.

Большинство из 22 обследованных гнезд (в т.ч. 8 обитаемых) располагались на тополях (всего 13, из них 4 жилых), вдвое меньше - на дубах (7, в т.ч. 4 жилых), по одному - на иве и ольхе (оба обитаемые). Это свидетельствует, похоже, о некотором предпочтении тополей в качестве гнездовых деревьев, поскольку гнездопригодные дубняки и тополевики занимают на стационаре сходные площади. Большинство гнезд расположены очень высоко (10-23 м, только три гнезда были устроены в 5-8 м от земли) на старых деревьях (17-35 м, в ср. - 21 м). Абсолютно преобладают гнезда в удобных чашевидных развилках из 3-5 ветвей (16 гнезд), тогда как сбоку у ствола гнезда очень редки (только 2 случая). Вероятно, на это соотношение влияют различия в их сохранности: из-за сильных зимних ветров боковые гнезда полностью разрушаются за 1-2 сезона, а постройки в надежных чашах - развилках держатся годами. Средняя высота расположения гнезд (14 м) заметно (на 2-4 м) превышает таковую для канюков в обследованных нами ранее угодьях Центрально-Черноземного заповедника (Костин, 1988), Окского заповедника и восточного Подмосковья (Галушин, 1971); в особенности, это превышение (в ср. почти на 6 м) существенно для Вологодских лесов (Галушин, 1978). Отмеченные различия, скорее всего, связаны с большей высокоствольностью Самурских лесов, и, возможно, с архитектурой произрастающих здесь деревьев (подходящие развилки у тополей, например, чаще всего, располагаются как раз в предвершинной части).

Что касается укрытости гнезд, для большинства из них она была слабой (видны с дорог, опушек, полей на расстоянии до 40-50

метров) или средней (заметны в 20–30 м); только 3 гнезда из 12 были квалифицированы как достаточно надежно укрытые от постороннего глаза (даже, находясь рядом с гнездовым деревом, скрытую листвою постройку нужно специально высматривать с разных сторон). Но неважная укрытость вполне компенсировалась надежной недоступностью, которая для подавляющего большинства гнезд оценивалась по субъективной 3-балльной шкале либо одним баллом (нулевая доступность: гнезда неприступны без специ-альных "кошек" – 6 гнезд), либо двумя (толстые ветви на стволе начинались не ниже 5 м от земли – еще 3 гнезда); только 2 из квалифицированных по этому признаку гнезд получили 3 балла доступности (по ветвистым гнездовым деревьям к ним мог легко подобраться любой прохожий).

Охотничьи территории приопушечных пар канюков (4–5 участков вдоль с.-в. границы леса) широко перекрываются в пределах открытой приморской полосы. Никаких столкновений между ними здесь не отмечали (владельцы участков иногда отгоняют соседей в 200–300 м от гнезда), охотящиеся птицы нередко мирно сидят на кустах и одиночных деревьях в местах обилия полевых и ябериц всего в 20–50 м друг от друга. Канюки из внутренних частей Самурского леса охотятся гл. обр. на обширных вырубках и в долинах рек. Беспокойство канюков вызывает только мигрирующие весной орлы: например, 5.5.1988 г. пролетный беркут был поочередно атакован на высоте 70–100 м канюками (вероятно, самцами) из всех 4-х приопушечных участков (тем самым он оказался невольным индикатором расположения гнездовых территорий местных хищников). К местным орланам канюки более терпимы, атакуя их только поблизости от своих гнезд. Территориальность у канюков сохраняется с ранней весны до осени: первые брачные игры наблюдали на гнездовом участке уже 27.2.89 г., а 13.5.89 г. отмечено спаривание (на земле!); вместе с тем, например, 25.8.1988 г. выводок из двух взрослых и двух молодых птиц все еще придерживался гнездового участка на правом берегу Самура.

Высокая плотность летнего населения канюков в дельте Самура в целом характерна для относительно небольших изолированных лесов в южных регионах страны, в т.ч. на равнинах Се-

верного Кавказа (Белик, 1989; Белик, Пекло, 1989).

Орел-карлик. Характер летнего пребывания в Самурском лесу неясен. За два сезона зарегистрировано около 5 встреч, которые, с какой-то долей вероятности, могут быть отнесены к местным птицам. Особенности их поведения (в т.ч. охотничьего в конце мая 1989 года и в августе 1988 г.) позволяют допустить возможность летнего обитания пары орлов-карликов в низовьях Самура (скорее всего, - вне пределов специально обследованного участка).

Орлан-белохвост. Самый примечательный хищник Самурского леса. Гнездование двух пар белохвостов всего в 5-6 км друг от друга известно здесь давно, уже упоминалось в орнитологических заметках (Бутьев, Михеев, Шубин, 1983) и описано в специальных очерках (Бутьев и др., 1989; Костин, 1989). Наши наблюдения подтверждают "Прерывистый" характер размножения орланов: после "отдыха" в 1988 г. обе постоянные пары успешно гнездились в 1989 г., вырастив по слетку. Неподалеку от границ обследованной части Самурского леса, возможно, обитает третья пара белохвостов. Помимо взрослых орланов в гнездовое время на стационаре и в окрестностях отмечали и годовалых птиц.

Все 6 обследованных гнезд орланов располагались на высоченных (25-35 м) тополях в мощных развилках на высоте 20-30 м от земли. Заметные издалика (некоторые с расстояния до 2-3 км), эти гнезда совершенно неприступны из-за неохватной толщины поддерживающих их стволов. Кроме того, гнездовые деревья, чаще всего, расположены среди непролазных густосплетений подроста, кустарника, колючих лиан, а местами и тростника вперемешку с ежевикой.

Оседлая группировка из 2-3 пар орланов-белохвостов в низовьях Самура уникальна для ю.-в. Дагестана и, тем самым, заслуживает специальных мер охраны, включая запрет вырубать старые высокоствольные тополя и снятие какого бы то ни было беспокойства в гнездовое время.

Чеглок. Гнездится в приопушечной полосе леса. Централь-

ную часть лесного массива чеглоки не заселяют, а над расположенными здесь большими вырубками иногда охотятся соколки, залегающие с периферии Самурского леса. В пределах стационара учтены 2 пары чеглоков в 5-6 км друг от друга (что в пересчете составляет 8 пар на 100 кв. км лесопокрытой площади или 1 пара примерно на 10 км открытой опушки). Кроме того, в окрестностях обследованного участка или, частично, по его окраинам держатся, вероятно, еще 2-3 пары.

На гнездовых участках появляются рано: в 1988 г., например, с 23 апреля (хотя в это же время и позднее - в начале мая идет интенсивный пролет мигрирующих чеглоков). Однако кладка начинается значительно позже. Обилие пустых вороньих гнезд в разреженных тополевых насаждениях по краю лесного массива предоставляет чеглокам богатый выбор мест для размножения. Задолго до начала кладки посещают разные гнезда (в т.ч., одновременно парами) в пределах избранной территории, активно атакуют здесь ворон и пернатых хищников. Пара, занявшая поросшую редкими тополями старицу у самого устья р. Подсамурок на крайнем с.-з. стационара, размножалась в 1988 г. необычайно поздно (может, повторно, в связи с утерей первой кладки?) - два еще не полностью оперенные молодые сидели в гнезде 23 августа, покинув его только в самом конце этого месяца или начале следующего (8 сентября слеток перемещался по гнездовому участку, выпрашивая корм у родителей). Расчетное время начала успешной кладки у этой пары приходится на самый конец июня - начало июля, что намного позже известных сроков гнездования чеглоков.

Охотятся чеглоки на пролетных ласточек, трясогузок, коньков и других птиц, а также на стрекоз (наблюдение 3.5.88г.) Однажды вечером (30.4.1988 г. после 19 часов) местный самец чеглока уже в сумерках выслеживал каких-то крупных насекомых на земле, перелетая по пустоши с места на место, когда совсем стемнело, он так и остался сидеть на кочке, видимо, собираясь провести таким образом ночь.

Обыкновенная пустельга. Определенно гнездится в ближайших окрестностях Самурского заказника. 24.5.1989 г. жилое гнездо пустельги найдено на верхней площадке опоры высоко -

вольтной ЛЭП (на высоте около 25 м) в пойме р. Подсамурок близ ж.д. моста у ю.-з. границ стационара. Пара активно отгоняла от гнезда серую ворону, мало обращая внимания на стоящих у опоры ЛЭП наблюдателей.

В пределах стационара жилых гнезд пустельги не находили, но регулярные апрельско-майские встречи четко локализованных пар позволяют предположить наличие 1-2 участков по периферии Самурского леса. Например, 30.4 - 1.5.1988 г. две пары пустельг занимали строго определенные участки вдоль приморской опушки леса в 1 - 1,5 км друг от друга. Птицы охотились, отдыхали, обследовали вороньи гнезда; отмечены попытки к спариванию. Позднее одна пара со старицы в устье Подсамурка исчезла (может вытесненная чеглоками?), а вторая переместилась на 0,5 - 1 км к востоку в междуречье Самура и Кара-Су. Не исключено, впрочем, что это были уже сформировавшиеся, но кочующие пары, выбиравшие наиболее кормные и достаточно гнездопригодные места для размножения.

Изложенные выше очерки нельзя считать исчерпывающими для фауны гнездящихся хищных птиц низовьев Самура. Прежде всего, ввиду перерыва в летних наблюдениях (на июнь - июль). Последующие исследования в разгар лета могут принести новые находки, дополнив наш список. Некоторые весенние и позднелетние встречи позволяют наметить кандидатов в перечень возможных дополнений. Осоед - некоторые птицы, отмеченные в конце мая и августе, могут быть и местными. Луговой лунь - неоднократно регистрировали бродячих особей; если и возможно гнездование, то за пределами стационара. Европейский тювик - приречные тополевики дельты Самура вполне отвечают требованиям этого вида к гнездовым местообитаниям (Белик, 1986.); к тому же отдельные встречи "мелких ястребов" не были точно идентифицированы. Змеяял - 24.8.1988 г. В.Т.Бутьев отметил на стационаре молодого, а позднее (30.08 и 3.09) здесь же видели и взрослого. Кобчик - 25.8.1988 г. Е.А.Лебедева наблюдала у р. Кара-Су молодую птицу.

Наши исследования в Самурском лесу еще раз подтверждают его притягательность как для птичьего населения в целом,

так и для пернатых хищников в особенности. Здесь на небольшой территории весной и в конце лета отмечено до 14 видов хищных птиц: 9 определенно или предположительно гнездятся на стационаре и в его окрестностях, статус 5 видов остался неустановленным. Гнездовое население по нашим учетам (вероятно, неполным) составляет 15-18 пар пернатых хищников ежегодно (с очень высокой суммарной плотностью порядка 60-70 пар на 100 кв. км лесных угодий). Все это свидетельствует о своевременности неоднократных требований самой тщательной охраны Самурского заказника, сбережения во всей полноте уникальной экосистемы низовий Самура - природной достопримечательности Дагестана и Восточного Предкавказья.